

0: ЕЖИ ГЕДРОЙЦ, ХРАНИТЕЛЬ ПАМЯТИ

С давних пор мне кажется, что вопрос «как Ежи Гедройц видел историю» дает принципиальную точку зрения, позволяющую понять то необычайное явление, каким был создатель «Института литерацкого». Я хотел бы представить здесь некоторые соображения, связанные с этой темой, и зафиксировать несколько запомнившихся мне эпизодов.

Ибо я считаю, что в случае Ежи Гедройца мы имеем дело с плодотворным сплетением четырех элементов: он был редактором политики (суфлером идей, критиком начинаний разных статистов и группировок); был редактором польской культуры (прежде всего литературы); был издателем (организовал административное управление журналами, обеспечивал их финансирование); был, наконец, архивистом (создал базу документов для своей деятельности, заботился о сохранении записей прошлого). Гедройц проявил необычайный организационный талант в четырех областях: в политике, культуре, финансах, сборе документов. Талант в каждой из этих областей редок, а сочетание этих талантов в одном лице было явлением уникальным. Это сочетание лежит в основе глубины и прочности воздействия Ежи Гедройца.

Двигаясь дальше по этому следу, я хотел бы рискнуть следующим обобщением: до войны, в его бытность редактором «Политики», звучали, хотя еще не в полной форме, два из этих талантов — к политике и к организации финансовой базы. Только у редактора «Культуры» проявилось полное сплетение всех четырех упомянутых элементов: Гедройц создал «Институт литерацкий» — издательство, которые постоянно воздействовало на политику и культуру нашей эпохи, и не только в Польше; создал его финансовые и организационные основы и обеспечил ему устойчивость, поразительную не только для эмигрантских условий и обстоятельств; создал, наконец, дом «Культуры», его библиотеку, архивы, собрания произведений искусства и документов. Тут лежит объяснение того качественного скачка между редактором «Политики» и редактором «Культуры».

Ежи Гедройц создавал, что журналы и издательство, которые он построил, не смогут продолжаться без него. И стремился к тому, чтобы в организационном (финансовом) смысле обеспечить выживание хотя бы дома «Культуры», библиотеки, архива. Еще при жизни он принял решение о публикации своей переписки в серии «Архив “Культуры”» и распорядился, что это издание должно быть продолжено.

Эти решения вытекали из его отношения к истории, к записям прошлого. Гедройц понимал их значение. Так было с давних лет. Он живо интересовался историей уже во время обучения в университете. Перед лицом национальной катастрофы, свидетелем которой он был (ликвидация целых общественных слоев; утрата памятников материальной и духовной культуры; вышвыривание миллионов людей на чуждые им территории; города, обращенные в развалины), эта его обостренная чувствительность к исторической материи еще больше усилилась.

Несколько эпизодов. Мне рассказывал Юзеф Чапский, что, когда Ежи Гедройца назначили на скромную должность в подчинявшемся Чапскому отделу прессы Польской армии на Востоке, он сразу же принялся рассылать письма по всему миру. Он выстукивал их двумя пальцами на машинке, где-то в бараке посреди пустыни. Устанавливал контакты, отыскивал сотрудников, которым поручал разные задания, собирал свидетельства. И всегда печатал под копирку (иногда плохо заложенную) — хотел сохранить копии этой переписки. Зофья Герц говорила мне, что уже тогда, в полевых условиях, первым принципом, который навязал ей Ежи Гедройц, был запрет выбрасывать какие бы то ни было документы. Уже в ту пору он понимал важность фиксирования редакционной деятельности и делал это с внушительным размахом. Другая история из тех лет, рассказанная мне Чапским. Они ехали на армейском автомобиле из Италии во Францию, году, кажется, в 45 м, и проезжали в северной Италии мимо какого-то огромного здания — дворца или замка, стоявшего посреди пустоши. Чапский сказал — просто так, мимоходом: «Не понимаю, зачем люди строили такие громадины. На что это может кому-то пригодиться в нынешние времена?» В ответ на эти слова Гедройц, чуть-чуть подумав, с полной серьезностью ответил: «Совершенно с тобой не согласен, это был бы отличный дом для работы».

Такая дальновидность, широта планов и умение их практически осуществлять поражала в здании «Института литерацкого» с самого начала. Вацлав Збышевский, автор, несомненно, самого меткого — и самого красочного — портрета того созвездия, что собралось вокруг Ежи Гедройца, вспоминал, что во время первых визитов в

«Культуру» в Мезон-Лаффите, еще [в ее первом помещении] на авеню Корнеля, его больше всего удивил вид библиотеки — аккуратно собранных, пронумерованных, каталогизированных томов. Когда в 1954 г. «Культура» была вынуждена переселиться и Гедройц искал новое помещение, он жаловался: «До чего же страшные люди эти минималисты», — когда его сотрудники (Зыгмунт Герц) считали, что, покупая столь обширное помещение, он метит слишком высоко. А Гедройц уже видел архив и библиотеку, касающиеся не только польских дел, но и всей Центральной и Восточной Европы. Покупка этого дома оказалась одним из самых важных капиталовложений в польскую культуру. Таким способом Гедройц создавал совершившиеся факты (а совершались они благодаря сочетанию многолетнего и упорного ежедневного труда с дальновидными проектами) в сфере политики, и не только польской.

В сентябре 1967 г. мне было дано уже не только посетить дом «Культуры», но и поселиться в нем и некоторое время разделять жизнь редакции. У меня в памяти и воображении прочно запечатлелись увиденные там собрания: переплетенные в темно-зеленое полотно тома вырезок, относящихся к «Культуре», комплекты всевозможных журналов, временами чисто специальных и, казалось бы, совсем далеких от интересов редакции «Культуры», но касающихся польских дел, польской культуры либо иностранных культур, увиденных поляками или же имеющих отношение к странам нашего региона, причем на многих языках, а также разные энциклопедии и компендиумы, — так, словно бы я осматривал подручную библиотеку нескольких научно-исследовательских институтов, нескольких музеев... Меня поразила практичность в сочетании с широтой и смелостью картины. Помню, с каким восхищением показывал мне Гедройц многотомные энциклопедические издания, выпускавшиеся литовскими и украинскими эмигрантами, и его упреки, что польская эмиграция не сумела предпринять аналогичные усилия.

В комнате направо от входа, прямо на полу, я почти всегда видел груды посылок с книгами. Они были адресованы проф. д-ру Тадеушу Мантейфелю, в Институт истории Польской Академии наук, Варшава. Несколько раз я помогал Зыгмунту Герцу отвозить на почту эти посылки с изданиями, отобранными Гедройцем. Он опекал многие библиотеки, и не только в Польше, но особенно близки были ему, пожалуй, наша Национальная библиотека и библиотека Института истории. Он обладал очень сильно развитым чувством ответственности за польские архивы. Интересовался и теми, что на родине, и другими, разбросанными по всему свету. Честолюбие Гедройца состояло в том, чтобы дом «Культуры» стал Домом польской памяти. И он с удовлетворением рассказывал, что у него разместил свой архив профессор Адам Кшижановский. А также заботился о тяжело больном в то время профессоре Станиславе Коте, который когда-то принадлежал к числу его политических противников. Однако, когда речь шла о сохранении документации прошлых лет, Гедройц действительно становился человеком, стоявшим выше партийных делений; у меня сложилось впечатление, что вопросу о спасении написанного Станиславом Котом он придавал особое значение, как бы желая подчеркнуть, что забота о сохранении национального наследия — дело первостепенной важности. Стефан Киселевский в начале 1970-х рассказал мне по секрету, что ведет дневник и хранит его в двух местах, одно из которых находилось «у князя». О том, что дневник ведет Зыгмунт Мыцельский, я знал от Генрика Кшечковского, который эти его заметки читал и был под их впечатлением; он не предполагал, что дневник окажется таким откровенным и важным свидетельством о Польше — и Европе — XX века. Мыцельский оставил его на хранение у Гедройца, посчитав, что там — самое надежное место. Стало быть, и в его глазах дом «Культуры» представлял собой суверенное княжество в Мезон-Лаффите, островок свободной Польши, где можно сохранить неизолганную память и свободную мысль. Это очень серьезные вопросы, их надлежит прочно закрепить в нашем сознании.

В 1972 г. после нескольких повторных отказов я получил заграничный паспорт. И снова поселился на какое-то время в доме «Культуры» — впервые после «процесса альпинистов», в котором моего брата Якуба осудили за контакты с Гедройцем, а в качестве основных материалов обвинения на судебном столе лежали книги и журналы, издаваемые «Институтом литеацким», и впервые с 1969 г., того «черного года», когда умерли многие из сотрудников «Культуры»: Казимеж Вежинский, Марек Хласко, Витольд Гомбрович, Ежи Стемповский («надеюсь, смерть наконец-то сломала косу», — написал Гедройц Юзефу Виттлину после очередного траурного известия). Поселился я снова в «конюшенке» при доме «Культуры». Одной из первоочередных тем были тогда формы закрепления памяти об этих писателях. Я упомянул о необходимости собрать переписку Ежи Стемповского и Витольда Гомбровича. Гедройц сразу принес две больших коробки, где уже сложил собранные им документы, связанные с ними. И вслух размышлял, к кому бы еще следовало обратиться за информацией по этому вопросу.

Он был особенно чувствителен к проблематике сохранения записей прошлого, причем как в тот период, когда «Институт литеацкий» был островом подлинной, не фиктивной польской памяти, так и позднее, после 1989 г., когда вместе с вновь обретенной независимостью цензура в Польше была отменена и появилась возможность писать о минувшем свободно. Гедройц был лишен какого бы то ни было национального фанатизма —

классового, расового, религиозного, бытового. Я знал, что эти темы всегда его одушевляли. И хотел бы привести здесь два эпизодических разговора с ним, относящихся ко второй половине 1990-х.

Первый был связан с «Зешитами хисторычными» («Историческими тетрадами»). Я сказал, насколько ценю их, и полушутя добавил, что удостоил их — как одно из трех самых важных польских издательских достижений в области истории — ордена Памяти с золотым султанчиком. Пан Ежи тотчас же включился в игру и спросил, кто же остальные лауреаты. Я назвал «Польский биографический словарь» (ПБС); «само собой разумеется», — сказал Гедройц и только пожаловался на медленность публикации. Но он надеялся, что ее, однако же, ускорят и станут сразу готовить следующее издание, чтобы можно было к нему приступить в первые годы XXI века. Когда мы вели этот разговор, ПБС был на букве «С» (где-то близ ее начала), а когда я спустя добрых полтора десятка лет пишу об этом разговоре, ПБС находится на букве... «С» (приближается к ее концу) — и тут не подходит даже такое определение, как черепаший темп! Не собираюсь, однако, отбирать у словаря тот орден, которым когда-то наградили его; это и на самом деле замечательное издание, но приводимый теперь срок завершения работ — 2030 год — как-то трудно считать приемлемым, и я надеюсь, что хотя бы из уважения к памяти Ежи Гедройца (к способам и темпам его деятельности) он будет сокращен.

Вторым лауреатом своего ордена Памяти (третьим, если считать «Зешиты хисторычне») я указал Романа Афтанази, автора монументального труда «История имений на былых окраинах Речи Посполитой». «Я ждал, упомянете ли вы его», — сказал Гедройц, явно воодушевившись. Но каким же образом я мог бы его пропустить: в библиотеке дома «Культуры», на полках в комнате слева от входа, как раз невдалеке от ПБС, я мог видеть одиннадцать оправленных в травянисто-зеленое полотно томов второго полного издания монументального труда Романа Афтанази. Его автор спас из потопа память о почти полутора тысячах польских имений на кресах. Он посылал десятки тысяч писем прежним владельцам, их потомкам или людям, которые как-то сталкивались с этими памятниками прошлого. И выполнял всю эту работу в одиночку, на протяжении десятилетий, без какой-либо надежды на публикацию, *contra mundum*, в качестве способа защитить память от губительной, нивелирующей силы идеологии и варварства. У создателя «Истории имений» в его отношении к прошлому было нечто родственное позиции создателя «Зешитов хисторычных». Всякий раз, когда я попадаю на варшавское кладбище «Старые Повонзки», то задерживаюсь у могилы Романа Афтанази (почти рядом с характерной могилой Кшиштофа Кесьлёвского) и думаю об этих родственных связях — связях по собственному выбору.

Во время разговора об орденах Памяти Ежи Гедройц вспомнил, что добавил бы еще («но чувствую, что вы снова подпрыгнете») исторические издания «Пакса». Предположение, что его мнение вызовет у меня негативную реакцию, было отсылкой к более ранней части нашей беседы, когда Гедройц с одобрением вспоминал деятельность кого-то с не самым славным прошлым, а я отреагировал на это с откровенной неприязнью. Но в данном случае не было опасений, чтобы я отреагировал негативно: я ценил исторические издания «Пакса», хотя и хорошо знал, какими ущемлениями была обложена их относительно большая свобода высказывания. И ничуть не в меньшей степени ценил я другие издательства, занимающиеся — в дарованных властью рамках — сохранением памяти о прошлом. В первую очередь упомянул ПИВ [польский Госиздат] и продолжающуюся много десятилетий деятельность Павла Герца. Я знал, что отношения между Павлом Герцем и Гедройцем были полны нескрываемой язвительности. Они были похожи между собой в том, что высказывали свои суждения (в том числе и друг о друге), не считаясь с политической или светской корректностью. В тот период Гедройц получал — более чем заслуженные — степени доктора наук *honoris causa* почти ото всех польских университетов, словно бы те хотели наверстать прошлые годы. Я напомнил ему, что у Павла Герца, который располагает внушительными знаниями в области польской литературы XIX столетия, а в области польско-русских и польско-немецких культурных связей (тематики, которой в Польше пренебрегают, хотя это буквально вопрос жизни и смерти) его знания несравненны и он достиг большего, чем несколько университетских кафедр, вместе взятых, — так вот, у него не только отсутствует диплом о высшем образовании, но и вообще Герц бросил школу на довоенном шестом классе, поэтому мне казалось, что присвоение ему почетной докторской степени стало бы надлежащей оценкой его заслуг. Гедройц принял мое высказывание молча, удивился только, что у Павла Герца нет аттестата зрелости. Не прошло и двух дней, как Гедройц позвонил мне по телефону: у него предстоит встреча с кем-то из университета, и он убедительно просит меня быстро подготовить ему записку, касающуюся докторской степени для Павла Герца.

Второй разговор, который внезапно явил мне во всём блеске историческое чутье Ежи Гедройца, состоялся у нас тоже в конце 1990-х. Я вернулся из Лондона и был в очередной раз под впечатлением Национальной портретной галереи. А также еще раз уяснил для себя, что подобный музей обязательно должен возникнуть в Польше. Когда я осматривал это собрание впервые, такой возможности не было. В то время вся общественная жизнь находилась под официальным контролем. Группы, которые создавали нашу культуру и цивилизацию: аристократия, помещики, промышленники, купцы, — были окружены официальным (а часто и неофициальным) презрением. Их пытались вычеркнуть из общественной памяти. Создание такого Музея польской памяти (какое бы

официальное название он ни стал носить) явилось бы важным шагом по пути повторного обретения и укрепления свободной памяти, не подверженной идеологическим манипуляциям. Лишь в последние несколько лет появилась возможность начать работу над таким музеем. И необходимо спешить с закреплением следов (великолепный труд Романа Афтаназы должен служить и примером, и предостережением: сегодня уже слишком поздно спасать некоторые реликвии культуры, через десяток-другой лет это станет еще труднее). Такой музей показывал бы широко понимаемую польскую культуру и ее связи с другими культурами, он должен охватывать как восточные земли, так и западные, а также деятельность польской диаспоры и наличие других национальностей, других культур, других вероисповеданий, других образцов быта и нравов.

Я сказал Ежи Гедройцу, что сейчас государственные деятели Польши ощущают перед ним трепет и готовы ходить по струнке, а значит, теперь он тот человек, который не только сумел бы достичь того, чтобы Музей польской памяти появился на свет, но и гарантировал бы такому учреждению независимость от проявлений идеологического фанатизма и слепоты, будь то справа или слева. Он ответил мне на это единственной фразой, которая меня одновременно и поразила, и восхитила: «Ну да, это важно, но кто мог бы этим заниматься, ведь нынче уже нет Михала Валицкого». Мы никогда не разговаривали об этом блестящем знатоке голландской живописи XVII века, и Гедройц не мог знать, что эта фамилия многое мне говорит, а я не думал, что для Гедройца фигура Михала Валицкого как знатока польской культуры жива (я туманно помнил, что когда Валицкий в 1949-1953 гг. сидел в коммунистической тюрьме за принадлежность к Армии Крайовой и за деятельность в ее подпольном Бюро информации и пропаганды, то «Культура» пером Чапского напоминала о нем и требовала его освобождения, однако думал, что у Гедройца эта заинтересованность носит политический характер), — между тем оказалось, что он помнил о Валицком и как о выдающемся историке польского искусства, авторе основополагающего труда на эту тему, и как о гуманисте, видящем польскую культуру на фоне других культур и интересующемся — с открытым, незашоренным умом — этими связями. Гедройц умел внезапно, экспромтом, в случайном разговоре выдвинуть самую подходящую личность для осуществления той или иной задачи. В это мгновение до меня со всей ясностью дошло, что мысленно он постоянно играет роль редактора польской культуры, ее прошлого, ее будущих форм, что в любой момент он чувствует себя целиком и полностью ответственным за нее — и умеет творчески вдохновлять ее.

1: СДЕЛАЙТЕ ВСЁ, ЧТО В ВАШИХ СИЛАХ, ЧТОБЫ ИЗДАТЬ ПАСТЕРНАКА

Переписка Ежи Гедройца с Густавом Герлингом-Грудзинским, до сих пор не публиковавшаяся, свидетельствует об их интенсивном сотрудничестве, продолжавшемся свыше сорока лет. В 1946-1947 гг. Герлинг принадлежал к тем нескольким людям, кто вместе с Гедройцем основал в Риме издательство «Институт литеацкий» и журнал «Культура». Потом их пути разошлись. С 1956 г. Герлинг вновь поддерживал с редактором «Культуры», перенесенной [в 1947 г.] в Париж, всё более тесные контакты и был постоянным сотрудником журнала. Несмотря на несходство темпераментов они одинаково смотрели на роль эмиграции, ее служебную миссию по отношению к Польше, равно критически относились к западной интеллектуальной элите, увлеченной коммунизмом, и были убеждены в необходимости выработать как можно лучшие отношения с нашими восточными соседями, особенно диссидентами и эмигрантами. Их объединял постоянный интерес к переменам, которым в будущем предстояло привести к эрозии СССР и всего коммунистического лагеря. Оба увлекались русской литературой и проявлениями духовного сопротивления советских диссидентов и интеллигенции. На страницах «Культуры» и в книгах, изданных «Институтом литеацким», можно найти публикации произведений Анны Ахматовой, Осипа Мандельштама, Андрея Синявского, Александра Солженицына, Варлама Шаламова и др., а также статьи об их творчестве.

В нижеследующей подборке писем Гедройца и Герлинга доминирует один сюжет, связанный с перипетиями издания на польском языке романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго». Книга вышла в 1959 г. в «Институте литеацком» в Париже и, по скромным возможностям эмигрантского издательства, стала настоящим бестселлером. (Как известно, в Советском Союзе «Доктор Живаго» вышел только в 1988 году).

Густав Герлинг-Грудзинский, который отнесся к роману с энтузиазмом сразу после чтения его итальянского издания — еще до Нобелевской премии, — написал в статье «Великая книга»:

«Никакие слова не смогут передать восхищения этим писателем, так глубоко верным своим убеждениям и так мужественно, в полной изоляции борющимся за свою правду» (Культура. 1958. №12).

Стоит добавить, что упоминающийся в письмах русист и переводчик Земовит Федецкий, известный своими неожиданными литературными суждениями, оказывал материальную помощь Пастернаку и его семье, когда

работал в польском посольстве в Москве.

*

Переписка Ежи Гедройца с Густавом Герлингом-Грудзинским хранится в фонде «Библиотека Бенедетто Кроче» в Неаполе и в «Институте лиерацком» (Мезон-Лафит). В ближайшем будущем она пройдет инвентаризацию в рамках проектов, осуществляемых этими учреждениями совместно с польской Национальной библиотекой и Главной дирекцией государственных архивов. В планах архива Геринга-Грудзинского и «Института лиерацкого» — полное издание этой переписки в краковском «Выдавництве лиерацком». Наша публикация выходит в свет с согласия Марты Герлинг, управляющей архивом ее отца, и благодаря помощи покойного директора «Института лиерацкого» Генрика Гедройца и нынешнего директора Войцеха Сикоры.

Здислав Кудельский

Густав Герлинг-Грудзинский — Ежи Гедройцу

Неаполь, 18.X.1957

(...) В ноябре выходит итальянский перевод огромного (650 страниц) романа Бориса Пастернака, о котором мне еще в 48-м году говорил в Лондоне Котт, что это единственное великое произведение русской литературы, «написанное в ящик». Он должен был выйти в России в прошлом году, и в связи с этим Пастернак прислал экземпляр рукописи итальянскому издателю, но потом внезапно вокруг установилась тишина и Пастернак (вероятно, под нажимом Союза советских писателей) потребовал вернуть рукопись, объясняя, что должен внести в нее некоторые поправки. Итальянский издатель отказался (думаю или, скорее, подозреваю, что каким-то тайным путем сам П. побудил его к этому отказу), и книга увидит свет впервые в итальянском переводе. Если это Вас интересует, то напишу о ней в «Культуру» обширно (возможно, с переводом наиболее любопытных отрывков).

(...)

Всего наилучшего

Густав Герлинг-Грудзинский

Густав Герлинг-Грудзинский — Ежи Гедройцу

Неаполь, 19,X.1957

(...) В сегодняшней «Коррьере делла сера» напечатана целая статья на тему романа Пастернака. Из нее следует, что после нового обострения хрущевского курса у книги нет никаких шансов выйти в России и что к итальянскому издателю (Фельтринелли) приезжали специальные эмиссары из Москвы, настаивая, чтобы он оставил всё в покое. Фельтринелли не уступил (я почти уверен, что тайно его побуждал Пастернак, так как я знаком с молодым итальянским поклонником и переводчиком его поэзии, который за последнее время несколько раз побывал у него в России), и роман выйдет во второй половине ноября по-итальянски и только через несколько месяцев после этого — по-английски (в Америке) и еще в нескольких переводах на главные европейские языки. Называется он «Доктор Живаго» и представлять собой будет историю аполитичного русского врача с 1905 года до наших дней.

Вывод из этого такой, что прежде чем появятся переводы на другие, более читабельные для поляков языки, итальянский перевод будет единственным источником, из которого мы могли бы напоить читателей в Польше. Конечно, я ни в коем случае не чувствовал бы себя в силах перевести почти 700 страниц (а Вы наверное не чувствовали бы себя в силах их издать), но с этим можно как-то справиться, посвятив, например, половину номера «Культуры» подробному описанию, пересказу и переводу самых ценных фрагментов. Разумеется, я пока что пишу это «вслепую», потому что еще не читал книги и не знаю, не закрепил ли Фельтринелли каким-нибудь крючком своих прав на границу (хотя мне это кажется маловероятным, потому что в отношении России не действует конвенция об охране авторских прав, а перевод номинально выйдет без согласия автора).

Всего наилучшего

Густав Герлинг-Грудзинский

Ежи Гедройц — Густаву Герлингу-Грудзинскому

[Мезон-Лафит], 25.X.[1957]

(...)

Благодарю за письма от 18 и 19 октября. (...)

Если говорить о Пастернаке, то рукопись, по-видимому, этой книги курсирует в Польше — не исключено, что я ее получу. Ее привезли поляки с Фестиваля молодежи. Интересно, что мнения их об этой книге отрицательны: что книга попросту очень слабая и что издание имело бы, собственно, только смысл политической демонстрации. Предполагаю, что в течение ноября буду знать, получу ли текст и на каком языке. Во всяком случае заранее очень прошу Вашего мнения об этой книге, как только она выйдет по-итальянски, и вне зависимости от того, будут ли какие-то возможности напечатать большие фрагменты или даже всю книгу, буду просить Вас написать о ней — это наверняка будет нужно.

Наилучшие пожелания

Ежи Гедройц

(...)

Густав Герлинг-Грудзинский — Ежи Гедройцу

Неаполь, 12.I.[19]57

(...)

Благодарю за письмо от 25 октября.

(...) Мнение Ваших молодых собеседников о романе Пастернака находит подтверждение в том, что неделю назад рассказывал мне в Риме проф. Рипеллино, переводчик поэзии Пастернака, который недавно вернулся из Москвы (где виделся с П.) и на обратном пути остановился в Варшаве, где благодаря любезности владельца вроде бы единственного экземпляра романа в Польше Земовита Федецкого смог его прочитать. Роман действительно слабый, но в нем есть, по мнению моего информатора, несколько отличных и сильных фрагментов, которые делают невозможным его издание как в России, так и в Польше.

На днях я получу из «Темпо презенте»